

Мясницкий Иван Ильич

Блестки юмора
Рассказы и очерки

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Блестки юмора: Рассказы и очерки / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 319 с.

ISBN 978-5-519-98455-3

ISBN 978-5-519-98455-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зостановочнаго китайскаго пара и неожиданности самыхъ пикантныхъ новостей, она жадно глядитъ въ незакрывающійся ни на минуту ротъ собесѣдницы и только изрѣдка позволяетъ себѣ сдѣлать замѣчанія въ родѣ:

— Ишь ты! Скажите, пожалуйста! Ахъ, батюшки! Ну, ври дальше, ври!..

— Вотъ ужъ не вру,—закипаетъ негодованіемъ салопница,—съ роду враньемъ не занималась, благодѣтельница... да разрази меня на этомъ мѣстѣ, коли я слово которое лишнее!

— Да ладно,—машетъ рукой Анисья Ѳеодоровна,—такъ я это... Говори, что дальше-то было? Ну?

— А дальше, благодѣтельница, ужасное происшествіе пошло...

— Постой, никакъ самого сапоги скрипятъ? Самъ, должно, сюда жалуетъ, спрячь языкъ-то свой на нѣкоторыя секунды.

Смолкаетъ салопница и съ нескрываемымъ испугомъ прислушивается къ «скрипу».

— Сюда и есть!—воскликнула вдругъ она, торопливо перевертывая чашку на блюдечкѣ и поднимаясь со стула.—Я уйду, благодѣтельница...

— Сиди. Проглоти языкъ и сиди... Герасимовичъ, ты?—окликаетъ мужа Анисья Ѳеодоровна.

— Онъ самый,—отвѣчаетъ тотъ, появляясь въ столовой и окидывая лѣнивымъ взглядомъ обычную компанію,—пріятнаго аппетита!

— Садись, выпей стаканчикъ... тепленкій-то хорошо...

— Ахъ, хорошо!—поспѣшаетъ поддакнуть салопница, но тотчасъ же, поймавъ удивленный взглядъ «самого», съ испугомъ закрываетъ ротъ ладонью.

— Н-нѣтъ,—лѣниво тянетъ Титъ Герасимовичъ, посмотрѣвъ на столовые часы въ длинномъ футлярѣ, маятникъ которыхъ лѣнивымъ размахомъ отчеканиваетъ свое стереотипное: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

— Аль уѣхать хочешь куда?

— Да надо бы... энтотъ, какъ его.. ахъ, шутъ его,—прищелкиваетъ пальцами Титъ Герасимовичъ, стараясь вспомнить фамилію «энтото»,—ну, какъ его, дьявола?

— А я-то почемъ твоихъ шутовъ, да дьяволовъ знаю?—говоритъ Анисья Ѳедоровна.— У тебя ихъ безъ числа.

— Да не до шутовъ, дура!.. Покупатель онъ!.. Ахъ, чтобъ его!.. Тьфу! На языкѣ вѣдь вертится...

— А ты сними его съ языка-то...

— Вспомнилъ, Опенкинъ... И фамилія-то, собственно говоря, закусочная... грибная... а сразу не вспомнишь... звалъ нынче... долженъ онъ мнѣ, такъ я такъ думаю по этому случаю...

— Это въ десять часовъ вечера-то по дѣлу зоветь? Какое дѣло ночью можетъ быть, скажи, пожалуйста?

— Мало ли какія дѣла ночью бываютъ! Днемъ не каждому досугъ тоже... Поняла?

— Поняла. Значить, прощай!

— То-есть, какъ это прощай?—спрашиваетъ больше для очистки совѣсти Титъ Герасимовичъ.

— Да такъ. Знаю я тебя... тянетъ тебя въ омутъ... Грѣшникъ ты, ахъ какой грѣшникъ, Герасимычъ!

— Ну, тоже тебя ежели слушать, такъ и въ аду насидишься достаточно... дура!

— Самъ дуракъ! Застегнулся на всѣ пуговицы-то?..

— Застегнулся, что же изъ этого?

— Знаю я твою застежку: пріѣдешь домой безъ всякихъ пуговицъ и на третьи сутки.

— Я—на третьи сутки? Посторонняя тля тутъ сидитъ, а то бы я сказалъ тебѣ настоящее слово...

— Всѣ твои дурацкія слова знаю... умныхъ-то тебѣ не придумать...

— Ахъ, Анисья, Анисья!—вздыхаетъ Титъ Герасимычъ, крутя головой,—и сколь много въ тебѣ суевѣрія всякаго сидитъ—страсть!.. Вытряхнуть бы его изъ тебя,—много лучше было бы...

— Мое при мнѣ и останется, ты на себя-то больше взирай,—не унимается Анисья Оедоровна.

— А что мнѣ на себя-то взирать? Я вѣдь не изъ музею... Человѣкъ, человѣкъ и есть...

— Разные человѣки-то бываютъ. И ты тоже разный... Мнѣ плевать на тебя— поѣзжай.

— И поѣду. Нельзя: долженъ много.

— Ты долженъ? Кому?

— Да не я, дура... энтотъ, какъ его...

— Фамиліи даже не помнишь, а ѣдешь...

— Съ твоимъ разговоромъ и свою-то забудешь, не только-что чужую... какъ его, дьявола? Сыроѣжкинъ,—вспомнилъ!

— Давеча Опенкинъ былъ, а теперь Сыроѣжкинъ сталъ... По всему видно, что покупатель хорошій!

— Опенкинъ, вѣрно! Въ грибахъ, мать, ничего не стоитъ сбиться... особливо въ жареныхъ... ѣшь, напимѣръ, грибы, а какъ имъ фамилія—неизвѣстно... Такъ я того... поѣду...

— Да поѣзжай, кто тебя держитъ, не мармаладъ вѣдь, чай отъ тебя слаще не станетъ... поѣзжай...

— Нельзя, понимаешь, дѣло! Счетъ ему сейчасъ сидѣлъ выписывалъ... торговля-то, вѣдь, она какая? Бѣдовое дѣло!

— Не натвори только самъ бѣдовыхъ дѣлъ... съ торговлей-то...

— Дура! Прощай!—сердито поворачивается Титъ Герасимовичъ и останавливается у дверей.— Такъ я того... ухожу!

— Уходи.

— И не хочется, понимаешь, а надо... Шутъ его знаетъ, что у него на умѣ...

— Не пропадай только, пожалуйста. Самъ

же послѣ мучиться станешь, да разныя причитанія...

— Не говори мнѣ глупостей зря! А ты вотъ что: можетъ, я позапоздаю, такъ вели Марфуткѣ въ кабинетѣ на диванѣ мнѣ ложе приготовить.

— Знаю ужъ... не впервой, я думаю!

— Ну, и знай!—сердито хлопаетъ дверью Титъ Герасимычъ и исчезаетъ изъ дома.

Проходятъ сутки, проходятъ вторыя, а ложе въ кабинетѣ такъ и остается не согрѣтымъ.

На третьи къ вечеру въ передней дома Малинникова раздается робкій звонокъ.

— Пріѣхалъ!—говоритъ Анисья Ѳедоровна, только-что вернувшаяся отъ гадалокъ, къ которымъ она ѣздила гадать о томъ, гдѣ находится ся супругъ, и живъ ли вообще или ужокошенъ вполнѣ. Гадалки, не первый годъ знакомыя съ характеромъ Тита Герасимовича, гадаютъ отлично и быстро успокаиваютъ разстроенную Анисью Ѳедоровну.

— Въ веселомъ домѣ онъ, матушка, находится,—говорятъ онѣ, раскладывая карты,—и никакого ему вреда, окромя похмеля, не видно, а сичасъ онъ въ дорогѣ, видите, матушка, въ ноги-то ему все дорога ложится?

— Дальше, значить, поѣхалъ?

— Нѣтъ, домой, крестовая у него дорога, значить, домой. Вы и не печальтесь, матушка, нонѣ, гляди, къ вечеру домой и объявится.

И дѣйствительно, придетъ вечеръ, глядишь, въ передней вдругъ динь, динь, динь...

Бѣжить Анисья Ѳедоровна въ переднюю и встрѣчаетъ запоздавшего Тита Герасимовича.

— Грѣшенъ! — говоритъ хриплымъ голосомъ Титъ Герасимовичъ, сдергивая шапку съ спутанныхъ волосъ. — Великій я, мать, грѣшникъ!

— А ты раздѣвайся ужъ, о грѣхахъ-то мы послѣ поговоримъ.

— Грѣшенъ! — стоитъ на своемъ Титъ Герасимовичъ. — Пили-пили, пили-пили, великій я грѣшникъ и окаянный!

— Раздѣвайся, говорятъ... Марфутка, тащи съ него хламиды-то... Иди теперь, не вѣкъ въ передней торчать будешь.

— А ты прости... Самъ не радъ... Охъ, грѣшенъ!

— Хорошъ, очинно даже хорошъ, — начинаетъ разсматривать «великаго грѣшника» Анисья Ѳедоровна, — рожа вся опухла, глазъ никакихъ и ни одной пуговицы.

— Что рожа! Что мнѣ твои пуговицы! — жалобно стонетъ Титъ Герасимовичъ, — душа-то моя, душа-то моя гдѣ?

— Это ужъ у тебя надо спросить... Прогулялъ, видно, ее?...

— То-есть нигдѣ, — а какая она стала!... Великій я грѣшникъ! Пили-пили, пили-пили... Сельтерская есть?

— Марфутка, подай ему сельтерской.

— Погрязь, совсѣмъ по уши погрязь въ энтой, какъ ее...

— Въ «Стрѣльнѣ», что ль?

— Да не въ «Стрѣльнѣ», а въ этой... Какъ ее.. въ паутинѣ... тѣфу!... И не въ паутинѣ, а въ тинѣ грѣховной!.. Великій я и окаянный грѣшникъ! — Пьетъ Титъ Герасимовичъ сельтерскую, вздыхаетъ, бьетъ себя въ грудь кулакомъ и о душѣ сокрушается.

— Господи, прости меня! Батюшки, святые заступники, помолите Бога о рабѣ грѣшномъ Титѣ!.. Никогда больше не буду... Просто смерть моя: и въ брюхѣ какая-то Японія и въ башкѣ Китай.

Слушаетъ, слушаетъ Анисья Ѳедоровна эти «рацеи», плюнетъ и уйдетъ въ свою спальню.

Высосетъ Титъ Герасимовичъ бутылокъ десять сельтерской, поохаетъ, постонетъ и завалится на ложе.

А на утро вскочетъ, какъ встрепанный, и поѣдетъ по церквамъ Богу молиться.

Приѣдетъ ночь-ночью и прямо въ спальню къ Анисѣ Ѳедоровнѣ.

— Каялся, мать! Вотъ какъ каялся... нагрѣшилъ безъ числа!..—говоритъ онъ замогильнымъ голосомъ.

— Кайся, не кайся, а все путаникомъ останешься, — машетъ безнадежно рукой та. — Характеръ у тебя азіятскій, — какъ на всѣ

пуговицы сертукъ застегнуль, значить провалился!

— Въ послѣдній разъ это, мать, было! Больше ни-ни... страшное слово такое далъ, что никакъ невозможно преступить.

Крута горка, да забывчива. Не пройдетъ и недѣли, какъ Титъ Герасимовичъ войдетъ въ обычную колею «купецкой жисти» и, откаившись, по его мнѣнію, на свой пай въ достаточной дозѣ, принимается за дѣла. А въ дѣлахъ, какъ извѣстно, забывается все, и недавно бывшее и давно прошедшее.

Время сглаживаетъ, говорятъ, все, а грѣхи Тита Герасимовича и подавно.

Защелкаетъ онъ на счетахъ, заоретъ на прислугу, распушить ни за что ни про что Анисью Ѳедоровну и грѣховъ какъ-будто не было. Совсѣмъ святой человѣкъ!

— Да ты что орешь то! — попробуетъ иной разъ закинуть словцо Анисья Ѳедоровна. — Что ты, папа, что ли, римскій, али болдыханъ китайскій? За все, про все съ людей спрашиваешь, а у самого грѣховъ на шеѣ цѣльная торба.

— Это какихъ-такихъ грѣховъ? — прищурится Титъ Герасимовичъ.

— Такихъ! Яровскихъ!

— Яровскихъ? Я васъ даже не понимаю, мадамъ! Поняла? А коли вы, мадамъ, дура, да еще при этомъ съ фистулой въ мозгахъ, слѣдовательно, вамъ надо молчать и

слушать, что говоритъ мужъ. — Маршъ въ кухню-съ!

Опѣшитъ Анисья Ѳедоровна, разведетъ руками и полетитъ стрѣлой исполнять его приказанія.

— Въ себя взошелъ, значитъ, окончательно,—шепчетъ она какой-нибудь салопницѣ, которыхъ у ней былъ непочатый уголь, — трепетать надо!

И трепещутъ до... до перваго сюртука, застегнутаго на всѣ пуговицы.

Послѣднюю «глупость» Титъ Герасимовичъ дозволилъ себѣ совсѣмъ случайно. Былъ онъ въ ярмаркѣ, торговалъ на славу, ну, и неизбѣжно, разумѣется, на прощаньи съ «Макарьевской», дозволилъ себѣ кое-что лишнее. Такъ сказать, «дерзнулъ»...

Съ ярмарочною «дерзостью» онъ и домой пріѣхалъ. Въ головѣ было нѣчно такое, чего «никакъ забыть невозможно»: хоръ поетъ, да какой хоръ!—Анны Захаровны... А Анисья Ѳедоровна съ глупыми вопросами пристаётъ: «какъ торговалъ, да какъ долги получалъ?»

— Все отлично было... и стерлядь въ шампанскомъ, и дуэтъ... то - есть, слава Богу... отстань только!

Побылъ онъ дома не долго. Переѣмилъ только нѣкоторые костюмы, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки и... застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы.

— Да ты куда же это?—съ испугомъ спрашиваетъ Анисья Ѳедоровна.

— Письма развезти знакомымъ...

— Не пропади ты, Бога ради, съ почтой-то своей проклятущей!

— Къ обѣду домой безпремѣнно... нельзя: почта! Тебѣ возили?

— Возили.

— Ну, и я везу... прощай! Къ обѣду чтобъ бараній бокъ съ кашей былъ... значить, адью!

— Знаю я твою адью - то подлую, охъ, знаю!

— Ну, и чудесно... Кто много знаетъ, тому жевать не надо: самъ разжуетъ.

И уѣхалъ съ почтой. Уѣхалъ онъ во вторникъ, а въ пятницу вдругъ ни съ того ни съ сего какого-то кургузаго служащаго при ресторанѣ спрашиваетъ:

— Какой нонче день, напримѣръ?

— Пятница-съ.

— Ужли пятница? Уѣхалъ я изъ дому во вторникъ, почему вдругъ пятница?

— Не могу знать-съ.

— Нехорошо! Вторникъ, среда, четвергъ, пятница... ахъ, почта проклятая! Счетъ давай, да извозчика на Полянку.

Ѣдетъ Титъ Герасимовичъ домой и на встрѣчныя церкви крестится.

— Боже, прости великаго грѣшника! Окаяннаго даже! Вторникъ, среда, четвергъ,